

Аванесян М.О. Альтернативная автобиографическая история как составляющая возможного «я»

АВАНЕСЯН М.О. АЛЬТЕРНАТИВНАЯ АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ВОЗМОЖНОГО «Я»

English version: [Avanesyan M.O. Alternative autobiographical story as a component of the possible self](#)

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Традиционно считается, что, во-первых, интегрированность «я», принятие своей жизни в противовес отчаянию и сожалению об упущенных возможностях определяется как ключевой конфликт стадии поздней зрелости (Э.Эриксон); во-вторых, жизненный выбор традиционно рассматривается как «развилка», пройдя которую, человек оставляет невыбранный вариант позади в своем прошлом. Однако содержание жизненных историй показывает, что неслучившаяся история может развиваться человеком в виде альтернативной жизненной истории. Анализ автобиографических интервью, проведенных с 58 людьми (25 м., 33 ж., средний возраст 35,3 года ($SD = 11,2$, $min - 21$, $max - 72$)) показал, что, отвечая на вопрос о событиях, которые изменили их жизнь, респонденты рассказывали об упущенных возможностях (20,6%), реже об удачах (5,1%). Разрабатывается понятие «альтернативной жизненной истории», которая представляет собой часть актуального автобиографического дискурса, содержащего нереализовавшиеся или отвергнутые возможности. Цель исследования состояла в том, чтобы определить роль альтернативных историй и то, как возможные «я» включаются в жизненную историю человека. Предложено рассматривать альтернативные жизненные истории как возможные «я». Описана эмпирическая классификация типов альтернативных историй, проиллюстрированная примерами из интервью. Альтернативная жизненная история часто связана с переломным событием жизни, которое нарушает непрерывность и взаимосвязанность линии времени и я-концепции (событие-изменение). Однако она усиливает тематическую согласованность автобиографической истории, поскольку несет в себе основные ценности и жизненные принципы человека: истории остаются неслучившимися, но по-прежнему актуальными в жизненном пространстве человека. Интерпретация полученных результатов осуществляется с опорой на теорию поля К.Левина, концепцию возможных «я» и теории самооценки, основанной на сравнении во времени (E.J.Strahan, A.E.Wilson).

Ключевые слова: альтернативная жизненная история, я-концепция, возможное «я», автобиографическое интервью

Возможные «я» в структуре представлений о себе

Говоря о личности, чаще всего имеют в виду уже сложившуюся структуру. Действительно, отвечая на вопрос «Кто Я?», человек констатирует свои черты, роли, статусы или типичным для себя образом рассказывает истории о себе. Однако когда в фокус исследователя попадает личность, которая активна, то важную роль в ее понимании начинают играть возможные «я» – идеи человека о том, кем он может и хотел бы стать, кем должен быть, а кем стать боится, кем точно не является (не-«я») [Markus, Nurius, 1986]. Возможные «я» могут существенно различаться по степени эмоциональности, когнитивной и поведенческой разработанности. Они являются своего рода мостом между представлениями человека и его мотивацией к действию [Markus, Nurius, 1986]. Индивидуальный репертуар возможных «я» можно представить как содержательное воплощение долгосрочных целей, устремлений, мотивов, страхов и опасений.

Часть представлений о себе, которые наиболее важны для самоопределения и постоянно доступны человеку, составляют ядро «я» – чаще всего это характеристики личности, основные роли и членство в разных группах [Bergner, Holmes, 2000]. Доступность остальных представлений о «я» меняется в зависимости от эмоционального и мотивационного состояния человека, а также ситуационных условий, в которых он находится.

Возможные «я» выполняют два рода функций [Markus, Nurius, 1986]. Первая функция состоит в том, что они обеспечивают человека объяснительными схемами для понимания своего прошлого поведения и прогностическими схемами для действий в будущем. Существовая в форме возможных «я», представления человека о том, что для него возможно, а что нет, носят индивидуально-личностный характер, поэтому становятся мотиваторами поведения. В данной роли возможные «я» являются персонифицированными носителями основных устремлений, мотивов и угроз и связанных с ними аффективных состояний. Они служат для выбора будущего поведения, поскольку достаточно ярко показывают тот желательный или нежелательный результат, к которому приведет поведение. Вторая функция возможных «я» состоит в обеспечении контекста для определения значения собственного поведения. Они определяют критерии, в соответствии с которыми человеком оцениваются его способности, свойства и действия. Например, человек, у которого есть такое возможное «я», как «я одинокий», придаст отмененному партнером свиданию более негативную значимость, чем человек, у которого нет такого негативного возможного «я».

Эмпирические исследования я-концепции и самооценки показывают, что представления о себе не меняются даже перед лицом неопровержимых доказательств. я-концепция человека часто не основана на реальных событиях и фактах: у людей есть идеи о себе, которые не обеспечены социальной реальностью [Markus, Nurius, 1986]. Концепция индивидуального статуса (individual's summary formulation of his or her status) стала альтернативной точкой зрения на я-концепцию как на организованную информацию фактов о себе (включая такие компоненты, как черты, ценности, социальные роли, интересы, физические характеристики, личную историю) [Ossorio, 1978; 1998, цит. по: Bergner, Holmes, 2000]. Под индивидуальным статусом понимается общая концепция своего места или положения по отношению к элементам окружающего мира. В самом общем виде эта идея передается высказыванием – «каково твое место в мире?». Непроницаемость самооценки для противоречащих ей фактов объясняется гипотезой о том, что я-концепция функционирует не как информационная сущность, а как позиционная [Ossorio, 1978, 1998]. По сути, если присвоенный чему-то статус (позиция) не претерпевает изменений, то новый факт его не опровергает. Чаще всего это несоответствие объясняется с точки зрения активного искажающего характера самооценки [Gecas, 1982]. Альтернативное объяснение состоит в том, что восприятие человеком другого человека вряд ли отражает или учитывает его возможные «я». Фактически, одно из существенных различий между самовосприятием и восприятием других проявляется в том, что при восприятии себя видятся не только нынешние возможности и состояния, но и собственный потенциал: «каким хочу стать», «что планирую делать», «что меня беспокоит» и т.д. При восприятии другого, как и в случае, когда другой воспринимает «меня», этот аспект восприятия в большинстве случаев просто не проявляется.

Возможные «я» проистекают из представлений о себе в прошлом и включают представления о себе

в будущем; они отличаются от текущих, или теперешних «я», хотя тесно связаны с ними. Возможные «я» представляют собой конкретные индивидуально значимые надежды, страхи и фантазии, а не набор воображаемых ролей или состояний [Bergner, Holmes, 2000]. Например, «"я" теперь психолог, но я мог бы быть владельцем ресторана, бегуном на дальние дистанции, журналистом или родителем ребенка-инвалида». Можно заметить, что эти возможные «я» индивидуализированы и персонализированы, будучи при этом отчетливо социальными. Ведь многие из возможных «я» являются прямым результатом предыдущих социальных сравнений, в которых собственные мысли, чувства, характеристики и поведение человека сопоставляются со свойствами других: «Таким, какие они сейчас, я мог бы стать».

Н. Каммингс использовал понятие потерянной мечты (lost dream) или потерянной надежды (lost hope), которое может помочь в понимании возможных «я» [Cummins, 1979]. Он пишет, что когда психотерапевт находит или пробуждает потерянную мечту, она становится ресурсом для преодоления таких сложностей, как зависимость, негативизм, апатия. Ведь люди часто обращаются к терапии, когда их жизнь наполняется разочарованием и глубоким чувством ностальгии, когда жизнь продолжается, но кажется опустошенной и лишенной энергии.

Выбирая какую-то одну возможность, человек оставляет иные возможности «в качестве возможных для себя в будущем или же полностью теряя их во времени. Некоторые из шансов не реализуются никогда, но продолжают сохраняться в индивидуальном сознании как значимые для человека "спящие" интенции, некоторые в силу их "уже-неосуществимости" переходят в план "выдуманных жизней", "легенд о себе", внутренних реальностей – своеобразных "игр с самим собой"» [Сапогова, 2003]. «Легенды о себе», «я-фантазмы» выражают некие «сверхзначимые для субъекта смыслы, являются проекцией внутренней, может быть до конца не понимаемой, драмы или проблемы личности». Построение параллельной жизни («квазижизни-для-себя») происходит, если в реальной жизни у человека недостаточно актуализированы способности и не удовлетворены важные для него потребности.

Общим выводом является то, что события, происходящие в жизни человека, интерпретируются им в контексте возможных «я», которые представляют собой констелляцию множества представлений о себе. Обращает на себя внимание тот факт, что феномен возможных «я» имеет особую временную организацию, поскольку в нем одновременно присутствуют представления разных модальностей – прошлого, настоящего, будущего. Постепенно интерес к динамическому характеру «я», а точнее взаимодействию разных представлений о себе кристаллизуется в эмпирических исследованиях [Strahan, Wilson, 2014]. Нас же больше всего интересовало то, как именно возможные «я» включаются в жизненную историю человека.

Альтернативная жизненная история

Анализируя автобиографии взрослых людей, мы обратили внимание на то, что помимо основной жизненной истории существуют альтернативные истории. Они представляют собой нереализовавшиеся или отвергнутые возможности. Соответственно, оценка текущего жизненного положения и представлений о себе происходит с учетом наложения нескольких планов событий. В эмпирических исследованиях выявлены основные «жизненные схемы», позволяющие дать прогноз разворачивания жизненного пути в том или ином направлении [Коржова, 2016]. Следовательно, совершая выбор в той или иной жизненной ситуации, человек создает прогноз развертки альтернативной истории. Через определенное время у него есть возможность сравнить план текущей жизни с воображаемым планом неслучившейся жизни. Однако, как показывает опыт консультационной работы, человек не принимает во внимание вероятностный характер воображаемого плана жизни. Например, клиент(ка) на психологической консультации выдвигает суждение: «Если бы я выбрал(а) другую специальность/партнера/страну проживания, то сейчас была бы счастлив(а)», предполагая только наилучший «идеальный» вариант развития невыбранного пути.

Типичным примером данного феномена являются вербальные рамки «Если бы не... то я бы...», «Все пошло бы по-другому, если бы...». Рассказ о себе часто предполагает сопоставление того, что происходит сейчас, с тем, что могло бы произойти. В зависимости от оценки нереализованного события сравнение прошлого с настоящим происходит в пользу одного или другого.

В поисках аспекта Я, который отражается в невыбранной истории прошлого, мы обратились к психологической литературе. Нам показалось, что частично это отражено в понятии «возможного "я"» как «субъективного пространства потенциальной активности субъекта (agency) – как желаемой, так и избегаемой» [Маркус, 1990, цит. по: Костенко, 2016, с. 426]. Е.Е.Сапогова ссылается на понятие кайроса как счастливой случайности: «С принятием или отвержением кайроса в точке бифуркации человек вбрасывает себя в потенциальное новое и неизвестное жизненное пространство, переключает в иной режим существования или же остается в прежних обстоятельствах, с "совокупностью несвершенного"» [Тулчинский, 2001; Эпштейн, 2001, цит. по: Сапогова, 2017, с. 302].

Помимо нереализованной личной истории в жизни человека присутствует представление о нормативной жизни – о том, что должно произойти (о должном). Согласованность с культурной концепцией биографии (coherence with a cultural concept of biography) определяет нормативные переходные жизненные события и их время (например, устроиться на работу в 22 года, выйти замуж в 25 лет или родить первого ребенка в 27 лет). Наличие сценария придает событию (например, замужеству) статус сверхценного [Серкин, Панченкова, 2017], поскольку с ним связывается начало «настоящей жизни». Если невозможно реализовать нормативный сценарий, то высока вероятность возникновения феномена «отложенной жизни» [Серкин, 2003]. Однако в целом альтернативная жизненная история может касаться отклонения как от нормативного жизненного сценария, так и от индивидуального жизненного сценария (подробнее о сценариях см. [Гришина, 2011]).

Методы

Выборку составили 58 человек, из них 25 мужчин, 33 женщины в возрасте от 21 до 72 лет, средний возраст 35,3 года ($SD = 11,2$, $min = 21$, $max = 72$), для всех русский язык был родным. Участие было добровольным («выборка по возможности») и проводилось в разных городах России: Санкт-Петербурге, Москве, Челябинске, Кирово-Чепецк, Симферополе, Екатеринбурге, Асбесте, Ярославле, а также нескольких зарубежных городах – Лондоне, Гамбурге, Тель-Авиве. Интервьюерами были студенты старших курсов, прошедшие специальное обучение. Описываемые результаты основаны на материалах биографических интервью, полученных в рамках проекта «Потенциал самоизменений как фактор существования человека в изменяющемся мире» (руководитель Н.В.Гришина).

Исследовательская проблематика, связанная с альтернативными историями, была обозначена не в начале исследования, а уже как обобщение полученных эмпирических данных.

Результаты

Анализ ответов биографических интервью показал, что стратегия оценивания своей жизни в системе координат упущенных возможностей является распространенной для наших респондентов. Традиционно интегрированность Я, принятие своей жизни в противовес отчаянию и сожалению об упущенных возможностях определяется как ключевой конфликт стадии поздней зрелости. Материалы интервью показали, что он встречается не только на стадии поздней зрелости. Отвечая на вопрос о событиях, которые изменили их жизнь, респонденты рассказывали об упущенных возможностях (20,6%), реже об удачах (5,1%). На основе полученных ответов мы выделили

несколько типов альтернативных историй. Данная классификация является открытой и носит эмпирический характер.

1. Мечта повторить прошлый опыт в настоящем («мечта о потерянном рае»). Данный тип альтернативных историй предполагает, что человек по какой-либо причине потерял возможность жить так, как он хотел бы, сожалеет об этом, но по-прежнему ожидает, что его жизнь может сложиться по-другому.

Пример 1: «...И если говорить о сожалениях – мне иногда кажется, что если бы я тогда не уехала, могло бы так сложиться, что я могла бы продолжить эту профессию... но это такие мысли вслух, если бы, да кабы, да во рту росли грибы. Но моя работа мне тоже нравится... но даже сейчас, в моем преклонном возрасте, я не оставляю эту мысль, все время себе говорю о том, что Андреева пришла в 33 года на Первый канал, а мне всего-то 34...» (ж., 34 г.).

2. Сожаление о безвозвратно упущенной возможности. В этом типе альтернативной истории человек сожалеет об упущенной возможности, но констатирует необратимость ситуации.

Пример 2: «В своей жизни, если бы удалось отмотать чуть-чуть обратно, я бы, наверное, будучи в замужестве, изначально акценты бы сделала по-другому. Хотя не факт, может быть, все закончилось бы так же» (ж., 34 г.).

Пример 3: «Реализоваться по своей специальности – это невозможно (быть врачом). Из-за потерянного времени это невозможно» (ж., 42 г.).

Пример 4: «И вот, на самом деле до сих пор жалею, что пошел на международные отношения, потому что солидно звучит» (м., 26 л.).

3. История о везении, не будь которого, все пошло бы по-другому. Альтернативная история о том, что благодаря определенному событию произошли серьезные перемены в жизни, которые оцениваются как позитивные.

Пример 5: «Вся моя дальнейшая жизнь, ее ход и развитие... то есть если бы я там не была, работала бы в каком-нибудь банке, но понятно, никогда бы не познакомилась с N и не уехала бы в Г. Может, уехала бы как-нибудь по-другому... Знакомство с мужем... это был очень важный момент в моей жизни, потому что я не очень представляю себе свою жизнь с кем-то другим. И, понятное дело, жизнь пошла бы по-другому» (ж., 34 г.).

Пример 6: «Первая ситуация, когда мне удалось не поехать работать в эту школу-интернат для умственно отсталых детей. Потому что до сих пор я благодарна этой девочке С.Л., которая проявила такое равнодушие <поменявшись с ней>. Вторая ситуация, когда я согласилась работать в этом N. Потому что все пошло бы по-другому» (ж., 72 г.).

4. Фантазии о несбывшейся мечте. Альтернативная история строится на предположении автора о том, как могла бы сложиться жизнь, если бы было принято определенное решение в прошлом.

Пример 7: «А вообще я всю жизнь мечтаю работать в библиотеке... мне родители сказали, что это ужасная профессия... много людей, которые в моем институте закончили библиотечный факультет... сейчас работают за рубежом, у них другой взгляд на мир, усидчивость, авантюризм» (ж., 34 г.).

5. Ошибки планирования (выбор с неожиданными последствиями). Альтернативная история состоит в том, что все пошло не так, как изначально планировалось автором: последствия его выбора оказались не такими, как он ожидал.

Пример 8: «...Меня поменяло рождение первого ребенка. С одной стороны, это был мой выбор, а с другой стороны, совсем не то, что я думала, потому что я не ожидала всего того, что на меня свалится, какие изменения произойдут» (ж., 40 л.).

Пример 9: «Мы переехали в N, потому что там жила сестра и мы посчитали, что неплохо бы, чтобы на первых порах был бы человек, который бы нам помогал. Это на самом деле только отрицательный фактор, помочь человек может только по мелочи, лучше сразу с головой, тогда ты и быстрее адаптируешься» (м., 39 л.).

6. *Путь к себе*. Альтернативная история состоит в том, что автор, поняв, что до этого жил не так, как ему следовало, стремится изменить свою жизнь, вернувшись к когда-то отклоненному курсу.

Пример 10: «Сейчас я понимаю, что я знала, что мне нужно, лет с 13, это потом заплутала куда-то не туда. Мне всегда нравилась эта тема – защита среды. И вот, сейчас я вернулась к тому, что мне нравилось раньше» (ж., 26 л.).

7. *Как есть, так есть...* История о том, что человек не вполне доволен тем, что происходит, рассматривает другие альтернативы, но ничего менять не собирается.

Пример 11: «Не знаю... Может, не пошел бы в медицину. Просто в плане, мне нравится, но то, что сейчас происходит в медицине... Пошел бы на историческое или куда-нибудь в такое... Ну, сейчас как есть, так есть. Пока ничего, все нормально... Нет такого, что я не люблю и занимаюсь» (м., 30 л.).

8. *Изменение обстоятельств (исторических)*. Данный тип альтернативной истории заключается в том, человек продолжает ностальгировать, представляя, как прошедшая эпоха развернулась бы в настоящем.

Пример 12: «Мой сознательный возраст – это 90-е, там профессии менялись у людей. Я думаю, что если бы не время, я так бы и работала в одном месте, с одной записью в трудовой книжке... С одной стороны, возможностей сейчас больше, ну даже возможностей съездить за границу. С другой стороны, если бы продолжался тот наш застой – ну, наверное, наша пенсия не была бы такой микроскопической» (ж., 63 г.).

Необоснованным будет утверждение, что временная ориентация респондентов – ориентация на прошлое. Этот вывод мы делаем на основе ответа на вопрос «*Что хотелось бы изменить в своей жизни?*». Только 3 человека ответили, что хотели бы изменить свое прошлое. Остальные респонденты говорили о том, что хотели бы изменить свою жизнь в настоящем и будущем. Данный вопрос сыграл роль проективного, поскольку не содержал указания на временную модальность, которую, отвечая, человек выбирал сам.

Обсуждение результатов

Теоретические основания позволяют предположить, что альтернативные истории можно рассматривать как возможные «я». Задавая вопрос о том, как эти истории интегрируются в я-концепцию, можно опираться на три компонента – эмоциональный, когнитивный и поведенческий. Эмоциональный компонент можно определить через переживание *отношения* к событию и *интенсивность* этого переживания. Большая часть историй сопровождается таким отношением, как сожаление. Когнитивный компонент можно определить через *разработанность* воспоминания и его *содержательную связанность* с жизненной историей. Большинство историй содержат идею ошибочного решения – самостоятельного или, по мнению автора, вынужденного. Несмотря на то что альтернативная жизненная история часто связана с переломным событием жизни, которое нарушает непрерывность и взаимосвязанность линии времени и я-концепции (событие-изменение),

она является важной составляющей тематической согласованности жизненной истории. Тематическая согласованность делает явными ценности человека и его жизненные принципы, которые объединяют различные эпизоды жизни и дают представление о том, какой он [МакАдамс, 2008]. Поведенческий компонент связан с первыми двумя и показывает *готовность к изменениям жизни* в связи с альтернативной историей.

Мы можем предположить, что альтернативная история темпорально дезинтегрирует жизненную историю, а тематически интегрирует ее. Согласно Хабермасу и Блаку, тематическая согласованность является одним из четырех типов согласованности жизненных историй, который относительно других формируется в более позднем возрасте[1] [Habermas, Bluck, 2010].

Возможные «я» присутствуют в актуальном психологическом плане таким же образом, как и текущие «я» (here-and-now self) и не отличаются от них с точки зрения их образной и семантической представленности [Markus, Nurius, 1986]. Удержанный образ возможного «я» становится контекстом для самоопределения в настоящем. В благоприятных ситуациях альтернативная история становится основанием для позитивной оценки настоящего. В большинстве приведенных текстов альтернативная история сопровождалась чувством разочарования и неудовлетворенностью. Только часть респондентов отмечает, что альтернативная история также могла быть непредсказуемой и неопределенной («...Хотя не факт, может быть, все закончилось бы так же»). Большая же часть респондентов представляет альтернативную историю как идеальный несбывшийся сценарий.

Обратимся к теории для того, чтобы определить, есть ли объяснение механизмов влияния возможных «я» на настоящее человека. К.Левин исходит из того, что психологическое поле, которое существует в данное время, содержит также взгляды индивида на его будущее и прошлое. Несмотря на то что «взгляды человека на собственное прошлое, как и на прошлое остального физического и социального мира часто неверны», они формируют в его жизненном пространстве «уровень реальности» прошлого [Левин, 2000, с. 74]. Психологическое прошлое, как и психологическое будущее являются частями целостного психологического поля, существующего в данное конкретное время. Психологический подход заключается в том, что помимо «уровня реальности» существуют различные уровни ирреальности. Соотношение реальности и ирреальности жизненного пространства определяется способностью четко разделять мечты и реальность: желания от фактов, надежды от ожиданий. В альтернативной истории часто содержится разрыв между желанием в отношении прошлого и текущей ситуацией. Поскольку ситуация вспоминается в рамках текущей автобиографии, то можно предположить, что она связана с актуальными ценностями и потребностями.

Современным подходом к пониманию я-концепции является теория самооценки, основанной на сравнении во времени (Temporal self-appraisal (TSA) theory), согласно которой человек склонен думать о себе скорее благосклонно. Авторы теории выделили субъективно «ближние» и «дальние» прошлые «я» (psychologically close / distant selves) [Strahan, Wilson, 2014]. Психологическая близость не определяется расположением прошлого «я» на оси времени. Она определяется переживанием того, что прошлое «я» соответствует текущей идентичности. Согласно теории TSA, люди склонны оценивать ближние прошлые и будущие «я» более позитивно, чем отдаленные, поскольку в целом ближние «я» – и прошлые, и будущие – включены в текущую идентичность (и люди мотивированы видеть свои текущие «я» в более благоприятном свете). Причастность, или, говоря словами авторов теории TSA, близость «я» определяется двумя параметрами – особым типом отношения человека к своему «я» и связанными с ним вещами[2] и субъективной временной близостью к настоящему[3].

Можно предположить, что альтернативные истории, которые актуализировались в автобиографическом нарративе, – это близкие прошлые «я». Несмотря на то что респонденты часто переживают их как потерю, они по-прежнему являются частью текущей идентичности человека. А если продолжить рассуждать в русле теории TSA, то эти истории могут помочь респондентам

поддерживать положительное отношение к своей текущей идентичности. Индивиды всегда имеют определенную свободу в конструировании своей идентичности в настоящем – настраивая свое видение прошлого и будущего так, чтобы поддержать желаемые выводы о текущем «я» [4].

Заключение

Работа с эмпирическим материалом показывает необходимость введения понятия «возможное Я» не только как альтернативных способов развития Я в будущем (как желаемых, так и избегаемых), но и как параллельно разворачивающаяся история, которая представляется человеком на психическом плане и является важной составляющей для осмысления жизни наряду с нормативными или прочими референтными жизненными сценариями.

Несмотря на то что жизненный выбор рассматривается как точка пути, «развилка», пройдя которую человек оставляет невыбранный вариант позади в своем прошлом, содержание жизненных историй показывает, что этот вариант может развиваться человеком в виде альтернативной жизненной истории.

Альтернативные истории несут в себе основные ценности и жизненные принципы человека, поскольку остаются неслучившимися, но по-прежнему актуальными в жизненном пространстве человека.

В психотерапевтической практике идея альтернативной истории воплощается в беседах пересочинения. Это проявляется в том, что уникальные, как будто случайные, эпизоды жизни клиента в совместной работе с психологом превращаются в точки входа для альтернативных сюжетов, воплощающих глубинные жизненные ценности человека [Уайт, 2010]. Затем альтернативные истории все больше насыщаются подробностями, становятся плотнее, становясь основой изменения я-концепции человека.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 18-013-00703/18.

Литература

Джеймс В. [James W.] Научные основы психологии. СПб.: С.-Петербургская электропечатня, 1902.

Коржова Е.Ю. Интеграция субъектного, ситуационного и личностного подходов в психологии жизненного пути. В кн.: Интегративная психология жизненного пути. СПб.: ООО «Фирма «Стикс», 2016. С. 12–35.

Костенко В.Ю. Возможное Я: Подход Хейзел Маркус. Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2016, 13(2), 421–430.

Левин К. [Levin K.] Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000.

МакАдамс Д.П. [McAdams Dan P.] Психология жизненных историй: пер. с англ. Методология и история психологии, 2008, 3(3), 135–166.

Сапогова Е.Е. «Легенды о себе»: к проблеме интерпретации личностных мифологем взрослых в психологическом консультировании. Психологическая служба (Минск), 2003, No. 2, 88–102.

Сапогова Е.Е. Случайность как онтологема автобиографических нарративов. Вестник Санкт-

Петербургского университета. Психология и педагогика, 2017, 7(4), 286–307.

Серкин В.П. Невроз отложенной жизни. Вестник Северного международного университета, 2003, No. 1, 27–34.

Серкин В.П., Панченкова О.В. Незамужество женщин среднего возраста как фактор сценариев и невротизации отложенной жизни. В кн.: Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. Владивосток: Морской государственный университет им. адмирала Г.И.Невельского, 2017. С. 186–193.

Уайт М. [White M.] Карты нарративной практики: Введение в нарративную терапию. М.: Генезис, 2010.

Bergner R.M., Holmes J.R. Self-concepts and Self-concept Change: A status dynamic approach. Psychotherapy: Theory, Research, Practice, Training, 2000, 37(1), 36–44.

Cummings N.A. Turning bread into stones: Our modern antimiracle. American Psychologist, 1979, 34(12), 1119–1129.

Gecas V. The self-concept. Annual Review of Sociology, 1982, Vol. 8, 1–33.

Habermas T., Bluck S. Getting a life: The emergence of the life story in adolescence. Psychological Bulletin, 2000, 126(5), 748–769.

Markus H., Nurius P. Possible Selves. American Psychologist, 1986, 41(9), 954–969.

Strahan E.J., Wilson A.E. Temporal comparisons, identity, and motivation: the relation between past, present, and possible future selves. In: C. Dunkel, J. Kerpelman (Eds.), Possible Selves: Theory, Research and Application. Huntington, NY: Nova Science, 2014. pp. 1–15.

Примечания

[1] Выделяют временную, биографическую, причинно-следственную и тематическую согласованность жизненной истории.

[2] Об этом переживании писал У.Джеймс: «Каким образом "я" делает своими различные "Его"... усваивает тождество своих прошедших "Его"? ...к моему собственному прошлому опыту, когда я думаю о нем, я чувствую такое особенное расположение или симпатию, каких не испытываю, когда мыслю об опыте других людей... Ведь и мое теперешнее "я" чувствуется мною с особенной теплотой и симпатией» [Джеймс, 1902, с. 158].

[3] В эмпирических исследованиях было показано, что с помощью манипуляций временной перспективой можно менять переживание близости одних и тех же прошлых «я» или будущих «я» (Strahan, Wilson, 2014).

[4] Авторы также пишут и об обратном процессе – прошлые и будущие «я» также влияют на представление о себе в настоящем и мотивацию человека [Strahan, Wilson, 2014].

Поступила в редакцию 25 августа 2018 г. Дата публикации: 15 октября 2018 г.

Сведения об авторе

Аванесян Марина Олеговна. Кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии

личности, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская наб., д. 7–9, 199034 Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: m.avanesyan@spbu.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Аванесян М.О. Альтернативная автобиографическая история как составляющая возможного «я» // Психологические исследования, 2018, 11(61), 4. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Аванесян М.О. Альтернативная автобиографическая история как составляющая возможного «я» // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 61. С. 4. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n61/1619-avanesyan61.html>

[К началу страницы >>](#)